

В.В. Потапьев

Феликс Николаевич Шахов

(из воспоминаний)

Организатор и руководитель лаборатории и отдела геохимии ИГиГ Феликс Николаевич Шахов был одним из наиболее ярких представителей знаменитой томской школы геологов, у истоков которой стояли академики В.А. Обручев и М.А. Усов. Ученик и ближайший сподвижник М.А. Усова, он встал в один ряд со своим великим учителем.

Бывший офицер царской армии, участник легендарного Брусиловского прорыва в годы Первой мировой войны, Феликс Николаевич был человеком Чести и Долга, сильной внутренней самоорганизации, оказывающим мощное интеллектуальное воздействие на слушателей и собеседников, невольно создававшим вокруг себя атмосферу высокой нравственности. Ничего этого я еще не знал, когда в апреле 1958 г. приехал в Новосибирск с желанием определиться во вновь создаваемый Институт геологии и геофизики СО АН СССР. Однако с некоторыми публикациями Ф.Н. Шахова я уже был знаком.

Приехав в Новосибирск, я отыскивал ИГиГ, который тогда только начинал создаваться на базе ранее существовавшего Института геологии ЗСФАН СССР. Административная его часть располагалась на ул. Мичурина, 23. Там я посетил ученого секретаря института Бориса Николаевича Лапина. Во время нашей беседы в кабинет быстрой походкой вошел пожилой худощавый человек среднего роста. В его облике было что-то такое, что сразу привлекало внимание. Он был в строгом темном костюме при белой рубашке и галстуке, с коротко подстриженными черными, с легкой проседью усиками и подвижным, несколько аскетического вида лицом с глубокими морщинами вдоль щек.

Присев на стул и извинившись, он быстро и деловито стал обсуждать с ученым секретарем свои вопросы. Особенности разговора и строгая манера держаться выказывали в нем человека большой культуры и одновременно какой-то сдержанной внутренней силы. Она проявлялась в сжатости и точности формулировок фраз, сопровождаемых взглядом удивительно чистых и внимательных темных глаз, мгновенно реагирующих на слова собеседника. Когда он поднялся, собираясь уходить, Борис Николаевич нас познакомил. После Б.Н. Лапин рассказал, что Феликс Николаевич (Ф.Н.) организует в институте лабораторию геологии и геохимии редких и радиоактивных элементов, подбирает себе сотрудников и у него есть вакансии. «Вот Вам к кому и следовало бы обратиться», – сказал он.

Я позвонил Феликсу Николаевичу и попросил разрешения встретиться. Он пригласил меня к себе. В домашней обстановке он был так же строго одет, сух и деловит. Выслушав мою просьбу, стал задавать вопросы. На первый взгляд, они были простыми, но по сути своей оказывались довольно коварными. К примеру, мои длинные и, как мне думалось, вполне разумные рассуждения в ответ на вопрос, чем отличается контактовый метаморфизм от регионального, были быстро прерваны короткой фразой:

«региональный метаморфизм создает расланцовку, а контактовый ее уничтожает – это надо понимать». С каждым новым вопросом я все более ощущал свою растерянность. Куда только девалось мое представление о себе как вполне сформировавшемся геологе. Уходил я очень расстроенный, получив отказ, но желание работать именно у него еще более усилилось.

После долгих раздумий я написал ему письмо, в котором объяснил причину своей настойчивости. Не знаю, что повлияло – мои доводы, настойчивость или искренность слов, но ответ пришел быстро: «Я согласен взять Вас к себе, но лучше было бы поступить ко мне в аспирантуру. Обратитесь от моего имени в дирекцию института, туда должны поступить мои аспирантские вакансии». Но аспирантские вакансии задерживались, и я был зачислен в лабораторию младшим научным сотрудником. Так волею судьбы я оказался в его лаборатории, в которой работал до последних дней его жизни. Первые два-три года были для меня, по существу, годами учебы. Хотя учиться, как известно, приходится всю жизнь. И лучший пример тому сам Ф.Н. В одном его ежегодном индивидуальном отчете как члена Академии отдельной строкой было написано: «Изучал термодинамику».

Лаборатория, когда я был в нее зачислен, только создавалась. Все яснее становился подход Феликса Николаевича к подбору сотрудников с ориентацией на молодых, он любил с ними общаться. Это ощущалось всеми, кто соприкасался с ним достаточно близко. Поэтому не случайно известный поэт и журналист Илья Фояков, знакомившийся с институтом в первые годы становления СО АН СССР, опубликовал статью о нашей лаборатории и ее руководителе под броским названием: «С молодостью по пути!» «Дети, – говорил Феликс Николаевич, – всегда лучше родителей», а старость иронически называл «безнравственной». Когда я впервые услышал такое определение, оно меня поразило своей необычностью. Я долго не мог понять его смысл, пока однажды, в свободной полевой обстановке, не переспросил и не услышал: «Как же, ведь в старости человек желает того, чего не может!»

Вне деловой обстановки в кругу молодежи он обыкновенно оживлялся, становился прост и открыт. Исчезала обычная суховатость и строгая «профессорская» официальность. Его всегда было интересно слушать. Реплики были остроумны, а рассуждения неожиданны и поучительны. Они частенько сопровождались меткими, а иногда и язвительными замечаниями, на которые можно было бы и обидеться, если не знать его хорошо. Подобные проявления остроумной язвительности, с сохранением при этом такта и внешне вполне уважительного отношения к собеседнику, знают все, кому приходилось близко с ним общаться.

Ф.Н. был неизменно строг во всем, что касалось науки, морали и нравственности. И это отношение не зависело от чина, ранга или возраста его оппонента. Когда, например, в «Литературной газете» развернулась дискуссия о нравственности в науке и один из крупнейших в нашей стране геологов, всеми уважаемый академик, сотрудник нашего института, в своем выступлении высказался в том духе, что можно быть безнравственным человеком и одновременно хорошим ученым, Ф.Н. возмущался! «Нет, – говорил он, – если человек безнравствен, то таковым будет и в работе. Достичь истины, дорога к которой очень трудна, ему не дано!»

Он был нетерпим к легковесному отношению во всех делах, но особенно в научных. В этих случаях он употреблял резкое, а иной раз и крепкое слово. В беседах с молодыми сотрудниками он был внимателен к каждому их слову. Если сотрудник употреблял какой-нибудь термин не точно или не к месту, он тут же его перебивал: «Вы можете сказать по-русски? Вы знаете, почему иногда используют термины?» – И сам же отвечал: «Когда не понимают существа вопроса. Им кажется, употреби термин, и все станет ясным». Многие фразы он повторял нам неоднократно:

«Вы знаете, что дважды два четыре, и все-таки отойдите в сторонку и проверьте».

«Нельзя учиться вообще, надо учиться в процессе занятия делом».

«Мысль рождается на кончике пера».

«Пишите короткими фразами» и т. д.

Он щедро делился своим опытом. «Работайте так, чтобы комар носа не подточил», – однажды сказал он мне перед отъездом в поле. И тут же добавил: «А я все равно подточу!» Такое запоминается на всю жизнь. И в то же время он становился замкнутым и нетерпимым, если к нему обращались в связи с каким-нибудь научным вопросом, считая при этом, что во всем уже сами разобрались. «Зачем тогда обращаться ко мне?» – спрашивал он.

В центре его внимания в исследованиях всегда находился геологический процесс в своем развитии, который, как мне кажется, воспринимался его сознанием как реально происходящее на его глазах геологическое явление. Всем сотрудникам лаборатории было хорошо известно выражение Ф.Н.: «Каждое явление должно изучаться во всех его связях».

Однажды после возвращения с Колыванского Мо-W-месторождения я стал рассказывать ему о своих наблюдениях. Он сидел против меня, низко склонив голову, и внимательно, не поднимая глаз, слушал. Ободренный вниманием, я все более вдохновлялся, видя, что меня не перебивают и явно заинтересованно слушают. Когда остановился, Ф.Н. поднял голову и произнес только одну фразу: «Да, вам многому надо учиться!» Я почувствовал, что краснею, когда до меня дошло, что он все двадцать минут слушал лишь для того, чтобы лучше оценить глубину моих заблуждений. Посмотрев на графику, на которой были выделены в пространстве рудного поля крупные рудные столбы, заметил: «Так у вас ничего не получится. Вы лучше подумайте, почему именно здесь отложилось рудное вещество» – и показал на небольшой участок обогащения, который, по моему мнению, не заслуживал какого-либо внимания, а оказался наиболее важным звеном.

Однажды, заглянув в комнату, где я сидел за микроскопом, встал рядом, поинтересовался, чем занимаюсь. Увидел мои записи в общей тетради и сказал: «Так опи-

Ветераны отдела геохимии в гостях у вдовы Ф.Н. Шахова. Ф.В. Сухоруков, В.Г. Цимбалист, И.Н. Маликова, З.П. Знаменская, Р.Д. Мельникова, В.М. Гавшин, В.М. Цибульчик, Н.В. Рослякова, Г.Н. Аношин

сывать шлифы не следует. Записи делайте на четвертушках листа. Потом ими будет удобнее пользоваться. Подробно описывать каждый шлиф не следует. Описывая следующий шлиф, не повторяйтесь, отмечайте только то, что видите новое». Возражать ему по научным вопросам с его эрудицией было трудно, практически невозможно. Слушая его короткие, емкие фразы, сразу начинаешь теряться и невольно замолкаешь, ощущая беспомощность.

Как-то Ф.Н. находился в Ленинграде и зашел во ВСЕГЕИ. Идя по коридору, он встретился с пожилой и довольно тучной женщиной, которая бурно и радостно приветствовала его, а он с трудом узнал в ней свою бывшую студентку. Разговорившись о прошлых временах, Ф.Н. поинтересовался: «Скажите, почему меня так боялись студенты, ведь я никому не ставил двоек?» Она рассмеялась и сказала: «Когда разговариваешь с Вами, чувствуешь себя дураком!» Мне не раз приходилось наблюдать, как солидные, остепененные и в разных званиях ученые мужи в разговоре с ним, сталкиваясь с его возражениями, тут же меняли свою позицию на противоположную и начинали ему поддакивать. В лучшем случае умолкали и, не вступая в спор, слушали, что он скажет. Но Феликс Николаевич принадлежал к тем учителям, которые умеют ценить в своих учениках проявления неуступчивости: «Мне лучше ершистые, чем те, которые во всем со мной соглашаются».

Один раз в маршруте он обратил внимание на то, что я долго документирую обнажение и делаю подробные описания, заметив: «Не надо много писать. В поле необходимо только установить залегание пород, осмотреть их выходы, сделать краткие записи и, самое главное, точно указать место взятия образца, который положить в заранее пронумерованный мешочек. Более обстоятельные записи и описание пород по образцам сделаете в отдельном дневнике во второй половине дня в лагере. В маршруте надо

экономить время и в поле быть не более половины дня. Основное осмысливание наблюдений и записи по ним делаются в спокойной обстановке в лагере». Помолчав, добавил: «Так меня учил М.А. Усов, а его – В.А. Обручев». Я много раз слышал его уважительные высказывания о своем учителе – Михаиле Антоновиче Усове. Вспоминая разные случаи из своей жизни, он частенько подчеркивал: «Этому научил меня Михаил Антонович».

Поле Феликс Николаевич любил и, более того, заболел, когда долго не выезжал на полевые работы. Както в маршруте мы присели отдохнуть. Он разулся, снял рубашку, решил погреться на солнце. За этим занятием стал вспоминать, как во время войны долго не мог выехать в поле и сильно переживал из-за этого. И заметил, что у него на ногах стали появляться какие-то мелкие волдыри. Врачи ничего путного сказать не могли, а он не знал, что ему делать. Однажды он пожаловался своей родственнице – хорошему врачу – на то, что с ним происходит. Она сразу же спросила, давно ли он был в поле? А затем объяснила, что такая же болезнь бывает у моряков, когда они долго не выходят в море. «Мой совет, – сказала она, – выезжай скорее в поле».

100-летие Ф.Н. Шахова. В.Г. Цимбалист, С.Р. Осинцев, З.П. Знаменская (вдова), Л.М. Попова, Н.В. Рослякова, З.В. Щербакова, Ю.Г. Щербаков. 1994 г.

В поле он был всегда прост, и никогда в общении с сотрудниками отряда не ощущалось давление его личности. Он не вмешивался в организацию работы отряда, не отдавал каких-либо распоряжений, а при необходимости использовал старинную форму обращения: «Распорядитесь, пожалуйста...» Для посторонних лиц в нашей общей группе отряда это был обычный, ничем не выделявшийся пожилой человек. В те времена бывали проблемы с питанием, подходящим по возрастному состоянию Ф.Н., но он не проявлял никаких признаков недовольства и питался тем, что и мы, хотя, вероятно, в его возрасте это было нелегко.

При всей строгости отношения к тому, что касалось науки и вообще любого серьезного дела, Феликс Николаевич был настоящим демократом в истинном значении этого слова. Пройдя в молодости военную службу, он ценил хорошие стороны армейских порядков, о чем неоднократно высказывался. Но это не мешало ему иной раз и пошутить: «Когда Бог раздавал разум, военные были на маневрах». При всей своей демократичности он понимал значение субординации в деловых обстоятельствах жизни.

Он хорошо знал литературу, и, судя по всему, интерес к ней был важным звеном его жизни. Желая подчеркнуть необычность или, наоборот, типичность чего-то, пошутить или прокомментировать что-то, мог остроумно, вовремя и к месту процитировать А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова (особенно часто), М.Ю. Лермонтова, Гомера. Увидев у меня какую-нибудь книгу, он тут же несколькими фразами мог высказаться о тех или иных ее особенностях, причем в самом широком диапазоне художественных вкусов и исторических пристрастий. Высоко ценил «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Тараса Бульбу» Н.В. Гоголя и «Клима Самгина» А.М. Горького.

Неформальное общение с Феликсом Николаевичем всегда было интересно и поучительно. Разговоры на свободные темы были, как правило, короткими и возникали от случая к случаю, навеянные какими-нибудь событиями. Инициатива в них исходила обыкновенно от него. Особо подчеркну, что внутрилабораторные темы никогда не затрагивались. О его аресте и пребывании на Колыме я не расспрашивал. Сам он этой темы коротенько касался раза три. Причину внезапного ареста он сначала не мог понять. Когда узнал, что арестован также академик И.Ф. Григорьев (директор ГИНа), удивился еще больше: «Мы занимали настолько разные позиции в исследованиях, что если его сажать, то меня надо было бы награждать, и наоборот». С первого допроса бросил курить. Когда следователь предложил ему папиросы, заявил, что не курит. Не хотел быть в зависимости от прихотей.

Говорил, что физическое воздействие к нему не применялось, несмотря на то что протоколы допроса с надуманными признаками не подписывал. Объяснял это тем, что повезло со следователем. «В условиях полевых работ на Колыме наша охрана, –

Открытие мемориальной доски чл.-кор. АН СССР Ф.Н. Шахову, 1986 г. З.П. Знаменская (вдова), С.Ф. Шахов (сын), В.А. Соловьёв (декан ГФ НГУ), Л.В. Таусон (директор ИГХ), Ю.Г. Щербаков, Ф.П. Кренделев (директор ЧИПР), Н.А. Росляков, Г.В. Поляков (зам. директора ИГИГ)

как-то сказал он, – по существу, выполняла функции обслуживающего персонала». Упомянул о совместных маршрутах с Ю.М. Шейнманом: «Он – тектонист, а я – петрограф, и у нас все хорошо получалось». Потом с веселой улыбкой добавил: «Когда мы выходили из палатки, иногда слышались реплики коллег: опять два еврея пошли вместе!» Когда я предположил, что будь жив М.А. Усов, то он бы вас, наверное, защитил, рассмеялся: «Он самым первым был бы арестован! Единственный, кто обивал все пороги, чтобы нас выручить, был В.А. Обручев».

Пока мы живы, Феликс Николаевич Шахов всегда будет в памяти и сердцах его многочисленных учеников и особенно сотрудников лаборатории, много лет проработавших под его мудрым руководством. Мемориальная доска на стене института будет напоминать новым сотрудникам, что здесь работал выдающийся геолог страны. Но мы, его ученики, должны сделать так, чтобы всё, чему он учил нас, как эстафетную палочку передавать от одного геологического поколения другому. Как он нам передавал то, чему научил его учитель – Михаил Антонович Усов.

Потапов Владимир Васильевич – канд. геол.-мин. наук, ст. науч. сотрудник, ветеран ИГиГ (работал в 1958–1971 гг.)